

О.Д. КУЦЕНКО

ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ: ОТ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РОЛЕЙ К ИНВЕРСИИ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА¹

Предлагаются размышления о стратегиях интервенции социологии в общество через изменение исследовательской и образовательной программ науки. Возвращение к практике как центральному понятию и диалектика отношений между предметом познания и познающим актором рассматриваются в качестве важнейших методологических принципов такого изменения.

Ключевые слова: социологическая интервенция, стратегии экспансии социологии, социальная ответственность науки

Мы продолжаем размышлять о возможностях социологии быть полезной обществу и находить взаимопонимание с ним в современных условиях. Социальная реальность быстро меняется, в связи с высокой подвижностью социальных форм возрастают риски неопределенности. О необходимости экспансии и/или интервенции социологии в общество мы говорили год назад, в докладе на первых Международных научных чтениях памяти Натальи Паниной в Киеве [2]. В данной статье речь пойдет о стратегиях интервенции через изменение исследовательской и образовательной программ² социологии, о ее

Куценко Ольга Дмитриевна — доктор социологических наук, профессор, завкафедрой социальных структур и социальных отношений факультета социологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко; вице-президент Социологической ассоциации Украины.
Электронная почта: olga.kutsenko.ua28@gmail.com

¹ Статья написана на основе доклада, представленного на II Международных научных чтениях памяти Натальи Паниной «Социология и общество сегодня», 10 декабря 2008 г., Институт социологии НАН Украины, г. Киев.

² Вслед за Имре Лакатосом под исследовательской программой мы понимаем сформулированные исследователями теоретические перспективы, рассматриваемые в широких социальных и исторических рамках,

принципиальных горизонтах, очерченных методологическими позициями пост-позитивизма. Горизонтах, которые неизбежно меняются по мере приближения к ним. Пост-позитивизм в социальном познании означает возвращение к *практике* как центральному понятию и *диалектике отношений между предметом познания и познающим актором* — диалектике, которая преодолевает функциональную заданность ролей.

В приложении к социологической деятельности это означает, что социолог не только способен стать со-творцом спектакля общественной жизни, но и сам должен меняться под его воздействием. Иными словами, речь идет о том, *что и как могут делать социологи, чтобы быть востребованными в быстро меняющейся реальности*. Может ли позиция наблюдателя (термин и идея З. Баумана) оставаться успешной в такой ситуации? По сути, это вопрос о жизнеспособности социологии в условиях, когда социальные науки остро конкурируют между собой, а общественные формы находятся в состоянии крайней подвижности, что создает ощущение (или иллюзию) «распада обществ»³.

Вырисовываются **четыре альтернативные стратегии** поддержки (воспроизводства) востребованности науки в обществе. Каждая из них имеет право на существование, фактически существует и решает какие-то полезные задачи в рамках общего процесса познания. Вместе с тем, абсолютизация каждой из них порождает более или менее серьезные риски разрыва между социологией и обществом.

Стратегия первая: идти проверенным путем традиционного мейнстрима, нормативности науки, доверяя тому, что уже сделано. По сути, это позиция выжидающая. Ее смысл в том, что пока новые явление или процесс не обретут более-менее определенные формы, знание о них рискует оказаться неадекватным. В такой познавательной ситуации нормативность спасает от неадекватности, однако при этом снижает эвристичность науки. Но всегда найдутся те, кто не боится принять вызов неопределенности. А значит, социологи, идущие по пути мейнстрима, как это ни парадоксально, обречены рано или поздно формировать широкую периферию знания, поддерживающую нормативность, но и обременяемую ею.

Стратегия вторая: бросать силы на изучение отдельных новых явлений и процессов. Это сопряжено с творчеством, вероятностью

внутри которых они применяются и развиваются. Этими перспективами определяются модели теоретического объяснения как нормативные логические стандарты, с помощью которых оцениваются процесс и результаты исследований. См.: [3].

³ Последняя идея, в частности, стала центральной в докладе А. Турена на XV Всемирном социологическом конгрессе в Брисбене в 2002 г. [4].

открытый и хотя бы поэтому не может не притягивать к себе всех жаждущих нового, в том числе авантюристов, подобно стране Эльдорадо (о чем писал П. Сорокин в «Системе социологии»). Межграницы, неопределенность раздвигают горизонты науки, познания и знания. Но без профессионального ядра знания и умений это релятивизирует науку, медленно убивая ее как таковую. На этом пути легко потерять горизонты, утратить ощущение взаимосвязанности мира и растратить силы на прокладывание троп туда, куда могут вести широкие дороги, соединяющие разные части целого.

Стратегия третья, связанная с уходом социологов «в себя», развитием социологии как знания «посвященных». Безусловно, и эта стратегия важна, поскольку через подобную саморефлексию она помогает углубить представления о теоретических возможностях науки и отшлифовать ее методологические инструменты. Но обратной стороной медали становится угроза схоластики и замыкания науки в собственном, довольно узком, мире знания о знании. Сегодня именно эту стратегию часто используют отечественные социологи, множа знание о предметах и функциях бесконечных специальных и отраслевых социологий, создавая социологии по поводу любого общественно-«чиха». Или — готовя диссертации о развитии очередного понятия в истории и теории социологии; при этом остается непонятным, кому и зачем (кроме диссертанта и его руководителя) это знание нужно.

Наконец, *четвертая стратегия* связана с развитием публичной социологии или вариаций социологии участия (от программ Алана Турена, латиноамериканских социологов до интенций, которые в последнее десятилетие активно выражает Американская социологическая ассоциация и особенно один из ее лидеров профессор Майкл Буравой [6, 1]). Данная стратегия ориентирована на познание проблем отдельных людей, групп, территорий и участие в их решении. Она не связана с иллюзией, что социология может взять на себя роль гражданского общества, которое неспособно эффективно влиять на ход спектакля общественной жизни и ограничивать агрессивные устремления элит. Вместе с тем, эта стратегия не свободна от идеи, согласно которой социология должна встраиваться в гражданское общество, навязывать ему свое экспертное знание и стимулировать его на совместное решение проблем. Именно эта стратегия предполагает ответственность социологии, разделенную с обществом.

Выбор стратегии поддержки востребованности социологии — это в том числе и ответ на вопрос **об амбициях** социологии и ее готовности взять на себя ту или иную форму **ответственности науки**. Ответственности перед кем? По сути, взятие на себя какой-либо формы ответственности прямо сопряжено с выбором вектора интервенции науки в общество. Среди таких форм мы выделяем следующие:

а) *Ответственность перед обществом как таковым*, которая означает стремление и способность науки давать обществу надежное и своевременное знание, — о том, как это общество выглядит, в том числе на фоне других, как в нем развиваются значимые процессы в ближней и дальней перспективах прошлого и будущего.

Какого рода знание могут предлагать социологи? Во-первых, знание о том, что волнует общество. Это должно определять наши исследовательские темы. А действительно, что волнует? Настолько ли хорошо мы это знаем, задавая нашим респондентам полустандартизированные вопросы? А что обсуждают люди в очередях, в чатах, на кухонных посиделках и т. п.? Вопросы «общественной озабоченности» должны стать для социологов особым предметом внимания, их нужно встраивать в мир социологического знания и в горизонты познания.

Но не только это должно определять наши темы и производимое социологами знание. И здесь вновь — о социологической интервенции. Общество, как и любой человек, ограничено своими горизонтами, чаще всего — повседневных проблем, снов или иллюзий. Социология может и должна расширять эти горизонты, расколдовывая (по М. Веберу) мир. Суть данной миссии была сформулирована в эпоху Просвещения — *просветлять*. Но социология — не гуру. Она скорее исполняет роль спелеолога, который забирается в самые темные закоулки тоннелей и обнаруживает, что все они являются частью большой системы. Это путь преодоления социальной и познавательной эксклюзии в отношении «темных уголков» социального мира (как осознанного или неосознанного, добровольного или вынужденного состояния).

б) *Ответственность перед государством*, которая означает «не проедать» бюджетные деньги. С одной стороны, их катастрофически мало для развития науки. С другой, — их использование не всегда эффективно с точки зрения значимости исследовательских тем, производства знания об обществе, не имеющего отношения к воспроизводству его мифов.

в) *Ответственность перед самими собой*, которая заключается в том, чтобы не раздувать «мыльные пузыри» собственной важности, а адекватно оценивать свои возможности и результаты. Данный вид ответственности непосредственно сопряжен с внутренней демократизацией и прагматизацией самого сообщества. И это — не то, что приходит «сверху». «Сверху» можно создавать только мутантов. Демократизация и прагматизация могут быть достигнуты через самовыражение личности социолога. По М. Фуко, — благодаря «заботе о себе» как о профессионале, обратной стороной которой становится забота о других. Профессионал не позволит себе поставить необоснованный

диагноз, не проверить вызывающие сомнения предположения, дать ненадежные выводы. Практически для социолога это означает не ждать, когда кто-то другой привлечет или позволит, а достигать профессионального совершенствования и самореализации, искать единомышленников, формулировать исследовательские темы, публиковать, обсуждать, не останавливаться на достигнутом.

г) Наконец, *ответственность перед следующим поколением социологов*, которую мы видим в том, чтобы расширять их горизонты системой образования и исследования, формированием баз данных, поддержкой научной мобильности, коммуникаций и проч. И здесь как нельзя кстати — стратегия публичной социологии (в понимании М. Буравого), помогающая расширить собственные профессиональные горизонты и сформировать серьезные амбиции.

Пост-постклассическая социология вновь возвращается к классической основной задаче, но в новой интерпретации: **познать современное нам общество в его видовом многообразии и целостности как «концерт культур»** (в т. ч. демократий, рыночных систем и проч.), а также **спрогнозировать сценарии его развития**. Эти амбиции связаны со стремлением увидеть отдельные проблемы, которые волнуют общество, в системе связей с другими явлениями в их пространственном и временном измерении, структурных протяженностях.

Такие амбиции, к сожалению, не подкрепляются существующей у нас сегодня системой социологического образования, которая задает довольно узкие горизонты знания и познания. И здесь проявляются удивительные вещи. Казалось бы, формально горизонты познания распахнуты: читайте, ездите, общайтесь, узнавайте... Но пространство интересов современных отечественных социологов оказалось сколлапсированным. Сравнение себя с другими — в широком региональном, международном, межвидовом контекстах — скорее исключение, чем правило. А о сравнении в исторических длительностях мы и вовсе забыли.

Зачем студента-социолога «грузить» бесконечным множеством специальных и отраслевых социологий и вместе с тем плодить бесконечное множество таких социологий? В дисциплинах подобного рода добрая часть учебного времени отводится определению их предмета и функций, а не обсуждению реальных проблем, способов их исследования и, возможно, урегулирования на основе знания.

Горизонты при таком подходе к образованию сужаются, интерес и амбиции науки падают, она становится не интересной другим. Превращается из субъекта познания общественных процессов и влияния на них только в предмет преподавания. Таково наше сегодняшнее социологическое образование. И оно нуждается в существенном реформировании.

По нашему убеждению, для сохранения/преумножения своей востребованности в обществе социология остро нуждается в *пересмотре структуры учебных программ*. Этот пересмотр должен производиться с точки зрения знания, которое поможет социологу стать «своим» в быстро меняющемся обществе, видеть и чувствовать общество в его целостности и многообразии, ощущать и понимать его проблемы, быть заинтересованным и компетентным в стимулировании их решений.

Ориентирами для такого пересмотра могут, опять-таки, стать пост-постклассические идеи социологии, в частности, развиваемые такими разными авторами, как Дж. Голдторп [8], С.Ф. Алатас [5], А.Г. Франк [7] и др. Важно преодолеть пустые абстракции, вернуться к онтологическим проблемам социального, которые концентрируются вокруг практик, социальной активности и определяемых ими социальных процессов и ситуаций. С.Ф. Алатас формулирует вопрос: *как сделать абстрактные теории работающими в данном локальном контексте?* Ответ, который становится явным в таком парадигмальном контексте, — фокусироваться на практике. Это усилит инверсию субъекта и объекта обучения и познания, диалектический характер отношений между предметом изучения и изучающим. Ведь, погружаясь в практику, мы не можем не испытывать ее влияния, что помогает встраивать теоретические абстракции в локальные контексты.

Для решения этих задач в образовательных программах по социологии должны быть выделены, сконцентрированы и усилены две составляющие.

1) **Профессиональное ядро**, стоящее на «трех китах»: история науки; социологические теории общества; исследовательские методологии. А дальше — углубление познания не столько через дробление профессионального знания, сколько через системное знание о базовых компонентах общества: институты, социальная структура, личность, взаимодействие (как оно происходит и к чему может вести).

2) **Формирование культурной и научной эрудиции, знания и чувствования контекста познания**. Отечественные социологи в большинстве своем очень слабо знают *историю* (как в локальном, так и в глобальном срезе), *мифологию, религию, искусство*. А ведь все это пронизывает общества, обуславливает их смысловые репрезентации и знаковые формы самовыражения. Без осведомленности в этих сферах, как и без знания *языков*, невозможно адекватно понимать и трактовать общества в их целостности и множественности, временной и пространственной протяженности. А включенность в искусство, кроме того, развивает образность мышления, что помогает расширять горизонты и инструменты познания.

И наконец, огромные возможности для социологии (прежде всего — в деле объяснения и моделирования процессов) открывает ее

союз с *математикой*. В этом и определенный критерий зрелости науки. И здесь речь идет не столько о математической статистике и теории вероятности, сколько о передовом фронте современной математики, которая *озабочена переходными состояниями*. Как из намерений рождается действие? Как в неопределенности взаимодействий кристаллизуются формы общественных отношений? Чтобы дать ответы на эти вопросы, без интуиции, образности и высокой математики социологам, похоже, не обойтись. И нам надо обозначать эти горизонты для самих себя и для молодого поколения ученых, которое может стать более успешным в понимании общества, чем мы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буравой М.* За публичную социологию // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ЦСПГИ, Вариант, 2008.
2. *Куценко О.* Украинская социология в европейском контексте // Сучасний стан і перспективи розвитку соціології в Україні та Європі. Матеріали міжнародних соц. читань пам'яті Н.В. Паніної / За наук. ред. Є.І. Головахи та О.Г. Стегнія. Київ: Інститут соціології НАНУ, 2008. С. 25–46.
3. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
4. *Турен А.* Социология без общества // Социологические исследования. 2004. № 7.
5. *Alatas S.F.* Alternative discourses in Asian social science: Responses to Eurocentrism. London: Sage, 2006.
6. *Burawoy M.* American Sociological Association Presidential address: For public sociology. 2005. Vol. 56. No. 2.
7. *Frank A.G.* ReORIENT: Global economy in the Asian age. Berkeley: University of California Press, 1998.
8. *Goldthorpe J.H.* On sociology. Numbers, narratives, and the integration of research and theory. Oxford: Oxford University Press, 2000.